

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО
И ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ

I

Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — Вып. 1. — 544 с.

ISBN 5-8015-0040-5

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает научные статьи, написанные аспирантами Европейского университета в Санкт-Петербурге и состоит из четырех разделов по следующим областям знания: история, этнология, социология и политические науки, экономика.

Для аспирантов, преподавателей и научных сотрудников вузов и институтов Российской академии наук, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами в области социального и гуманитарного знания.

Редакционная коллегия:

А.К. БАЙБУРИН, А.В. БУХВАЛОВ, Н.Б. ВАХТИН (ответственный редактор),
В.В. ЛАПИЦ, О.В. ХАРХОРДИН

Без объявления
ISBN 5-8015-0040-5

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 1999
© Оформление — А. И. Азаров,
1999
© «Дмитрий Буланин», 1999

Выход в свет этого сборника совпал по времени с двумя важными событиями в жизни Европейского университета в Санкт-Петербурге. Прежде всего, в июне 1999 года Университет покидают его первые выпускники, закончившие обучение по трехлетней аспирантской программе. Событие это и грустное и радостное одновременно: радостное, потому что мы впервые выпускаем в большой мир своих питомцев, молодых ученых, которые сумели за три года учебы стать специалистами высокого класса, преданными науке и готовыми связать с ней свою судьбу. Грустным — потому что за три года мы очень сдружились, привыкли друг к другу, прониклись чувством взаимного уважения, и нам жаль расставаться.

Второе событие также весьма знаменательно. В июне 1999 года исполняется 70 лет ректору Европейского университета в Санкт-Петербурге доктору философских наук, профессору Борису Максимовичу Фирсову. Невероятная энергия Бориса Максимовича, его преданность российской науке вообще и петербургской — в частности, его подвижнический труд на ниве возрождения российского образования, его умение зажечь и увлечь и убедить были теми решающими факторами, которые сделали возможным невозможное: появление в наше нелегкое время нового Университета, который уверенно стал на ноги и в короткий срок завоевал репутацию одного из наиболее серьезных учебных заведений города.

*Редколлегия сборника от имени всех сотрудников,
профессоров, преподавателей и аспирантов Университета
поздравляет*

*Бориса Максимовича Фирсова
со славным юбилеем, желает ему долгих лет
активной и плодотворной работы на ниве науки
и высшего образования и преподносит ему в дар этот сборник
как наглядное свидетельство того, что его труд уже
принес — и мы убеждены, еще принесет — весомые плоды.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
История	
<i>А.А. Кононов.</i> Работы К.А. Военского по истории Японии и русско-японских отношений	11
<i>О.И. Ламеко.</i> Немецкие «известия» XVI века о Московии	25
<i>М.О. Мельцин.</i> Род князей Долгоруковых в XVIII—начале XX века: демографический аспект	43
<i>Н.Д. Потапова.</i> Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела	95
<i>Е.А. Ростовцев.</i> А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений)	128
<i>Е.И. Чебанова.</i> «300 золотых поясов»: проблемы интерпретации термина	166
Этнология	
<i>Е.В. Арсенова.</i> Представления об «особом» знании и способах его передачи у восточных славян	185
<i>М.Г. Вадейша.</i> Колокол и колокольный звон в традиционной славянской культуре	195
<i>В.Б. Колосова.</i> Лютик (этноботанический этюд)	211
<i>Ж.В. Кормина.</i> Институт крестных родителей в традиционной культуре	221
<i>А.Н. Кушкова.</i> Сор в славянской традиции: на границе «своего» и «чужого»	240
<i>Е.В. Лярская.</i> Комплекс женских запретов и правил у ненцев Ямала (по материалам экспедиции 1998 года)	272

А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений)

Проблема взаимоотношений двух крупнейших представителей петербургской исторической школы А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова давно обозначена в литературе¹. Для уяснения характера отношений историков и основанных ими научных школ попытаемся реконструировать картину научного и личного общения ученых.

По-видимому, А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов познакомились в первой половине 1880-х гг. в студенческом Научно-литературном обществе. Инициатором создания этого Общества в 1881 г. стала группа студентов во главе с А.Ф. Гейденем, в которую входил и С.Ф. Платонов². Он окончил университет в 1882 г., но когда в него поступил А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов продолжал активно участвовать в работе Общества³. А.С. Лаппо-Данилевский, так же как и С.Ф. Платонов, активно включился в его деятельность. С 1885 г. А.С. Лаппо-Данилевский был руководителем научного

¹См., в частности: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Петербург, 1922. С. 22; *Валк С.Н.* [Выступление на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // *Проблемы марксизма. 1931*; *Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX—начала XX века // *Археографический ежегодник (далее: АЕ) за 1989 г. М., 1990.* С. 22—24; *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С. 18—20, 22, 53—54; *Брачёв В.С.* Русский историк Сергей Фёдорович Платонов. СПб., 1997. С. 44, 45, 50—51, 53.

²*Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // *Дела и дни. 1921.* Кн. 2. С. 126—127. В архиве С.Ф. Платонова сохранились проекты уставов «Научно-литературных кружков» (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 109, л. 1—1 об.) и «Научно-литературного общества» (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 108).

³*Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний... С. 126; С.Ф. Платонов — К.Н. Бестужеву-Рюмину, 30 ноября 1883 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1716, л. 6 об.

отдела Общества⁴, а значит, координатором его научной деятельности, поскольку, согласно уставу Общества, в обязанности научного отдела входила вся организация занятий⁵.

Общество возглавлял профессор О.Ф. Миллер, с которым у обоих молодых ученых сложились хорошие отношения. В январе 1883 г. С.Ф. Платонов писал К.Н. Бестужеву-Рюмину: «Ваши вторники (собрания у К.Н. Бестужева-Рюмина, — *Е.Р.*) до некоторой степени возмещаются мне четвергами Ореста Фёдоровича (собрания Общества, — *Е.Р.*)»⁶. В другом письме тому же адресату он отмечал: «Если не ошибаюсь, то хорошо ко мне относится О.Ф. Миллер, и я люблю этого человека, хотя и чужд его мировоззрению»⁷. А.С. Лаппо-Данилевский в 1886 г. был среди тех, кто подписал адрес в честь 25-летия научной деятельности О.Ф. Миллера⁸. В студенческом Обществе сформировались два разных неформальных кружка по составу и по характеру отношений между их членами: Кружок русских историков и Ольденбургский кружок («Приютинское братство»). Особое значение в жизни историко-филологического факультета кружки приобрели в 1887 г., когда официальное Научно-литературное общество было закрыто.

Кружок русских историков возник в среде старшего поколения участников Научно-литературного Общества. Он вырос из числа учеников К.Н. Бестужева-Рюмина, которые посещали его «вторники». Ольденбургский кружок более связан с поколением середины 1880-х гг.⁹. Если Кружок русских

⁴Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 5, л. 4, 13.

⁵Устав Студенческого Научно-литературного общества. § 10 // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 108, л. 6.

⁶С.Ф. Платонов — К.Н. Бестужеву-Рюмину, 8 января 1883 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1716, л. 4 об—5.

⁷С.Ф. Платонов — К.Н. Бестужеву-Рюмину, 30 ноября 1883 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1716, л. 8 об.

⁸Адрес О.Ф. Миллеру по случаю 25-летия его преподавательской деятельности // ОР РНБ. Ф. 1000, оп. 2, д. 1931, л. 1.

⁹Подробнее см.: *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // Русский исторический журнал (далее: РИЖ). 1920. Кн. 6. С. 58—59; о роли А.С. Лаппо-Данилевского в Ольденбургском кружке см.: *Корзун В.П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С. 257—258; вообще о «Приютинском братстве» и об обширной литературе, посвященной ему,

историков по преимуществу занимался научными проблемами, то Ольденбургский кружок был, скорее, дружеским союзом единомышленников, чем ученым обществом. Хотя оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционными настроенными студентами¹⁰, их политическая окраска была разная: Кружок русских историков склонялся к умеренному консерватизму, тогда как Ольденбургский кружок посещали либеральные интеллектуалы. Лидерами Кружка русских историков были С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин и В.Г. Дружинин, а в «Приютинском братстве» главенствовали С.Ф. Ольденбург, Д.И. Шаховской и И.М. Гревс.

Если для С.Ф. Платонова круг «Приютинского братства» всегда оставался чуждым, то А.С. Лаппо-Данилевский, несмотря на то что, по словам А.Е. Преснякова, «был слишком “сам по себе”, чтобы всецело входить в какую-либо кружковую организацию»¹¹, посещал оба кружка. Об участии А.С. Лаппо-Данилевского в Кружке русских историков, в который входили помимо лидеров Н.Д. Чечулин, М.А. Дьяконов, Е.Ф. Шмурло, С.М. Середонин и другие известные петербургские историки¹², упоминал сам С.Ф. Платонов. Кружок русских историков, как правило, собирался на квартире В.Г. Дружинина. Но письма А.С. Лаппо-Данилевского свидетельствуют, что в конце 1880-х гг. он бывал также запросто и на квартире С.Ф. Платонова на правах доброго знакомого¹³. По-видимому, у участников

см.: *Шаховской Д.И.* Письма о братстве. Публикация Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокина // *Звенья. Исторический альманах.* М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 175.

¹⁰*Шаховской Д.И.* Письма о братстве... С. 283.

¹¹См.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С.18.

¹²*Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний... С. 132; ср.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 25.

¹³В архиве С.Ф. Платонова сохранилась, например, записка от А.С. Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонову от 13. 09. 1887 следующего содержания: «Многоуважаемый Сергей Фёдорович! У Вас кажется есть Жур.[нал] Мин.[истерства] Нар.[родного] Пр.[освещения] за Сентябрь. Сделайте одолжение, если возможно, дайте его мне на короткий срок. Я не могу его нигде достать, а между тем хорошо бы прочесть рецензию Мишенки, которой внимательно еще не читал. Если можно такое дело устроить, то не отвечайте мне, я зайду за книгой в среду вечером; если нельзя, то уведомьте что бы не совершать мне длинной прогулки; теперь мне время дорого. Досадно только, что экзамен придется держать не 17, а 24 сент.[ября]» (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 3).

кружка существовал обычай направлять друг другу шуточные послания в «древнерусском» стиле, которые сохранились в архиве С.Ф. Платонова. Одно из них было составлено А.С. Лаппо-Данилевским в декабре 1887 г. и адресовано С.Ф. Платонову: «Государю моему Сергею Фёдорову сыну сирота твой Александрец челом бьет...»¹⁴. В августе 1889 г. А.С. Лаппо-Данилевский благодарит С.Ф. Платонова за поздравление с собственными именинами, о которых он сам позабыл¹⁵. О теплых отношениях между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым в конце 1880-х гг. свидетельствует и переписка С.Ф. Платонова с М.А. Дьяконовым, где А.С. Лаппо-Данилевский фигурирует в качестве одного из ближайших к С.Ф. Платонову лиц¹⁶. Однако того дружеского сближения до конца жизни, которое произошло у А.С. Лаппо-Данилевского с участниками «Приютинского братства», с кругом С.Ф. Платонова и самим С.Ф. Платоновым не последовало.

Молодых ученых до некоторой степени объединяли их теплые отношения с университетскими преподавателями — К.Н. Бестужевым-Рюминым, Е.Е. Замысловским и В.Г. Васильевским¹⁷. К ним был расположен и декан факультета И.В. Помяловский.

С.Ф. Платонов был учеником К.Н. Бестужева-Рюмина, А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Е. Замысловского. Направление научных занятий обоих в начале их исследовательской деятельности было связано с научными интересами их руководителей, однако и тот и другой впоследствии отрицали скольнибудь значительное влияние учителей на методологию их

¹⁴ А.С. Лаппо-Данилевский — С.Ф. Платонову, декабрь 1887 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 1.

¹⁵ А.С. Лаппо-Данилевский — С.Ф. Платонову, 30 августа 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 5.

¹⁶ Письма М.А. Дьяконова С.Ф. Платонову, 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 2856, л. 42, 45 и др.

¹⁷ О теплых отношениях с «учителями» свидетельствуют переписка и воспоминания С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского. С.Ф. Платонов среди других преподавателей выделяет особо теплое отношение к нему Е.Е. Замысловского; см.: С.Ф. Платонов — К.Н. Бестужеву-Рюмину // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1716, л. 8 об.; Платонов С.Ф. 1) Несколько воспоминаний.; 2) Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—31. СПб., 1993. Вып 1; А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 3.

работы. По признанию самого С.Ф. Платонова, наибольшее влияние на него оказал В.Г. Васильевский¹⁸. А.С. Лаппо-Данилевский не называл никого из своих преподавателей, оказавших на становление его как ученого существенное влияние. Но именно согласованные действия К.Н. Бестужева-Рюмина, Е.Е. Замысловского и В.Г. Васильевского сыграли особую роль в карьере С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского: благодаря поддержке этих ученых старшего поколения оба они в разное время были оставлены при университете для подготовки к профессорской деятельности, а после защиты магистерских диссертаций получили курсы на кафедре русской истории.

Характер отношений между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым стал меняться с момента организации Исторического общества при Санкт-Петербургском университете¹⁹. Общество было задумано в марте 1889 г. группой историков-преподавателей столичных учебных заведений, в которую первоначально входили В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский, Е.Е. Замысловский, Н.И. Кареев, В.И. Ламанский, И.П. Минаев, С.Ф. Платонов, Ф.Ф. Соколов, Г.В. Форстен и Е.Ф. Шмурло. На этапе формирования к ноябрю 1889 г. к ним присоединилось еще 19 человек, в том числе А.С. Лаппо-Данилевский. Таким образом, группа членов-учредителей Общества состояла из 29 человек²⁰. Основным автором устава Общества²¹ был Н.И. Кареев, хотя активное участие в его составлении принимали и деятели Кружка русских историков во главе с С.Ф. Платоновым²². Устав содержал довольно

¹⁸ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка... С. 262.

¹⁹ См.: Кононова Н.Н. Историческое Общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2; Слонимский А.Г. Возникновение исторического общества при Петербургском университете // Учен. зап. истор. ф-та Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып. 1.

²⁰ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889—1914 // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете (далее: Историческое обозрение) за 1915 г. СПб., 1915. Т. 20, отд. 2. С. 188.

²¹ Устав Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете // Историческое обозрение за 1890 год. СПб., 1890. Т. 1. С. 12—16.

²² Дёмина Л.И. «Записки» Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889—1892) // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 253.

расплывчатые положения относительно целей Общества, но очень четко определял его организационную структуру. Цели Общества, согласно уставу, сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Устав предусматривал создание сильной административной основы формирующейся организации — избранный Комитет должен был приобрести почти неограниченные права внутри Общества²³, в том числе комплектоваться фактически за счет кооптации заранее определенных членов, давать предварительные заключения по поводу программ будущих сообщений, т.е., по существу, определять темы для выступлений, заранее рассматривать и выносить суждения (фактически — решения) по всем предложениям, исходящим от членов Общества, контролировать прием в него новых членов, заведовать доходами и публикацией трудов Общества. Поэтому первые заседания, носившие организационный характер, пред-решали многое в формулировании основных направлений и определении характера деятельности Общества. В таких условиях особое значение имела судьба первого Комитета, избранного собранием членов-учредителей.

Первое собрание и вместе с ним формальное учреждение Общества состоялось 26 ноября 1889 г. Начальное формирование Комитета общества носило драматический характер. В.Г. Васильевский, будучи признанным лидером петербургской школы и фигурой, объединявшей представителей как всеобщей, так и русской истории, мог стать единственным реальным конкурентом на выборах председателя Общества его основному организатору Н.И. Карееву. Несмотря на то что на заседании 26 ноября В.Г. Васильевский отсутствовал, С.Ф. Платонов и другие члены Кружка русских историков выдвинули его кандидатуру и большинством голосов выбрали на пост председателя; тогда же был избран Комитет в составе С.А. Бершадского, В.Г. Васильевского, В.Г. Дружинина, Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова, Г.В. Форстена и Е.Ф. Шмуrho²⁴. И хотя по

²³Устав Исторического общества... § 17. С. 14.

²⁴Там же. С. 16.

предложению И.М. Гревса была выражена «благодарность Н.И. Карееву, по инициативе которого возникло Общество и который наиболее хлопотал о его устройстве»²⁵, конфликт этим не был исчерпан. Роль С.Ф. Платонова в этой ситуации выглядела двусмысленно в глазах не только И.М. Гревса, но и А.С. Лаппо-Данилевского. В начале декабря он написал П.Н. Милюкову: «Председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К⁰) избран Васильевский»²⁶. О дальнейшем развитии конфликта свидетельствует протокол второго (экстренного) общего собрания членов-учредителей²⁷, состоявшегося 6 декабря 1889 г. В.Г. Васильевский заявил, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обязанностей между его членов, он слагает с себя возложенное звание»²⁸. За председателем в отставку подал весь Комитет. После проведения повторных выборов (В.Г. Васильевский был избран без баллотировки) Комитет был избран в прежнем составе, только вместо В.Г. Дружинина был избран Н.А. Меншуткин, затем В.Г. Васильевский и С.Ф. Платонов отказались от звания членов Комитета. Вместо них были избраны В.Г. Дружинин и А.С. Лаппо-Данилевский. Н.И. Кареев же получил председательское место; товарищем председателя был избран историк государственного права С.А. Бершадский. А.С. Лаппо-Данилевский занял один из ключевых постов секретаря Общества. На третьем заседании (26 декабря 1889 г.) новый председатель выступил с программной речью²⁹. В ней проявились отголоски научных противоречий, которые обнаружилились в период первых организационных заседаний Общества. Н.И. Кареев признал, что значительная часть избранных членов Общества, помимо членов-учредителей, «была приглашена им» и что они в большой степени сочувствовали одной «частной цели», а именно «идее о разработке теоретических вопросов исторической науки, так как мне, по роду моих занятий, эта разработка была бы наиболее

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Цит. по: Слонимский А.Г. Возникновение исторического общества... С. 33.

²⁷ Протокол второго (экстренного) собрания членов-учредителей // Историческое обозрение... за 1890 г. С. 18—19.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 5—11.

желательна; кроме того, многие лица с особым сочувствием отнеслись к обсуждению в наших собраниях вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием истории в учебных заведениях»³⁰. Далее Н.И. Кареев остановился на «словах сомнения и недоверия», которые он слышал «от некоторых лиц, присутствующих на сегодняшнем заседании»: «По поводу разработки теоретических вопросов исторической науки как одной из задач Общества говорилось, что едва ли она пойдет успешно и что потому едва ли следовало включать ее в устав как самостоятельную задачу Общества: указывалось именно на то, что серьезно и ex professo теоретическими вопросами истории почти никто не занимается, что занятие ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что в результате может от этого получиться только одна потеря времени без всякой пользы для науки»³¹. Можно предположить, что в этих словах отразились научно-мировоззренческие позиции участников, которые в негативном плане могут быть представлены как эмпирическая направленность представителей петербургской школы (В.Г. Васильевский, С.Ф. Платонов и его кружок) и социологическая заданность теоретических построений Н.И. Кареева. В этом смысле кандидатура А.С. Лаппо-Данилевского, выдвинутого на один из руководящих постов в обществе, была компромиссной в двух отношениях: еще будучи студентом, А.С. Лаппо-Данилевский обращался к Н.И. Карееву по вопросам теории исторического знания; с другой стороны, в то время он посещал «кружок русских историков» и сохранял научную близость с В.Г. Васильевским до конца его жизни. Но кроме личного момента принимались во внимание и теоретические устремления А.С. Лаппо-Данилевского: свои источниковедческие исследования, связанные с подготовкой магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве», он сочетал с разработкой теории и методологии истории, что было близко интересам Н.И. Кареева³². Занятия «теорией истории» в 1890-х гг. вообще имели и некое политическое

³⁰ Кареев Н.И. [Речь на третьем заседании общего собрания Исторического общества] // Историческое обозрение... за 1890 г. С. 5.

³¹ Там же. С. 5–6, 8.

³² См.: Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. № 6. С. 112.

звучание, поскольку были напрямую связаны с западной теоретико-исторической мыслью. Поэтому с культурной точки зрения эмпирические («источниковедческие») традиции петербургской школы определялись отчасти некоторой «аполитичностью», вызванной положением столичного университета³³. С конца 90-х гг. эта традиция петербургской школы начала преодолеваться: соответственно политическим предпочтениям новое поколение ее представителей разделяется на «консервативный» и «либеральный» политические лагеря, хотя отчетливой границы между этими лагерями и не было. Характерно, что в первом доминировали «эмпирики», во втором преобладали «строители систем». С.Ф. Платонов относился к первому лагерю, А.С. Лаппо-Данилевский — ко второму.

Через два года после защиты диссертации С.Ф. Платоновым (1888 г.) 9 мая 1890 г. состоялся магистерский диспут А.С. Лаппо-Данилевского. Его оппонентами стали главные действующие лица недавнего конфликта в Историческом Обществе — Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов. Н.И. Кареев, по существу, ограничился похвалой, а его возражения носили формальный характер. С.Ф. Платонов же, в целом дав положительную оценку труду А.С. Лаппо-Данилевского, выразил и свое несогласие с теоретизированностью его подхода к историческому знанию. Интерес представляет замечание С.Ф. Платонова о «теоретических странностях» работы А.С. Лаппо-Данилевского, в частности о том, что взгляд А.С. Лаппо-Данилевского — это «взгляд Канта»³⁴. С.Ф. Платонов выдвинул и принципиальные возражения относительно системы изложения автора. Он отметил чрезмерную приверженность А.С. Лаппо-Данилевского постулатам юридической школы С.М. Соловьева—Б.Н. Чичерина и вызванную этим узость научного взгляда на русскую историю XVII в. С точки зрения оппонента, А.С. Лаппо-Данилевский уделил недостаточное внимание истории народного хозяйства. В ответном слове А.С. Лаппо-Данилевский заявил, что он и не отрицал значения народного

³³Ср.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбил. сес. ЛГУ. Л., 1948. С. 10—13.; Чирков С.В. Археография и школы... С. 21—22.

³⁴Исторические диспуты // Историческое обозрение... за 1890 г. С. 293.

хозяйства, но, на его взгляд, правительственная история (и соответственно система налогообложения) подчиняла себе на этом этапе историю хозяйственного развития³⁵. Несколько иначе свою оценку работы А.С. Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонов выразил в рецензионной статье. Хотя он и признал, что «тема поставлена автором вполне определенно, развита во всех частях в должной мере и насколько позволял материал и требовали теоретические соображения», однако намекнул на вспомогательный характер источниковедческой работы А.С. Лаппо-Данилевского по отношению к общим задачам исторического построения, негативно противопоставив ее в этом отношении методологии Н.Д. Чечулина³⁶ — также активного участника Кружка русских историков. По всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х гг., А.С. Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от Кружка русских историков. А.Е. Пресняков замечал, что А.С. Лаппо-Данилевский отошел от участия в Кружке русских историков, многозначительно добавляя, что главным лицом в кружке был С.Ф. Платонов³⁷.

Таким образом, период 1889—1890 гг. можно назвать переломным в отношениях между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым; после магистерского диспута А.С. Лаппо-Данилевского их отношения постепенно становились все более отчужденными. Глубинные причины охлаждения взаимных отношений двух историков лежат, на наш взгляд, в сфере профессиональных контактов в среде петербургских историков того времени и в различии научно-теоретических взглядов двух ученых.

Если С.Ф. Платонов органично вписался в научную среду петербургского университета и стал лидером поколения петербургских историков 70—80-х гг., то А.С. Лаппо-Данилевский испытывал научное одиночество в той же среде. Он с горечью писал в начале 1891 г.: «В нашем официальном ученом мире об идеалах и философии почти не с кем говорить. К[ареєв],

³⁵ Платонов С.Ф. [Отзыв]. А.С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1371, л. 11.

³⁶ Платонов С.Ф. [рец.:] А.С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 417—418.

³⁷ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 22.

хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская. С Бестужевым я иногда говорю, но мы ведь разных поколений, значит во многом разных мировоззрений. О некоторых других и говорить нечего. Очень иногда чувствуется недостаток в человеке, с которым можно было бы поговорить о некоторых специальных вопросах по теории обществоведения...»³⁸

В 1890-е гг. отношения между С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским характеризуются сотрудничеством и скрытым соперничеством на историко-филологическом факультете. В первой половине 1890-х гг. А.С. Лаппо-Данилевский постепенно отошел от чтения курсов по русской истории и историографии, где утверждаются взгляды С.Ф. Платонова, ставшего заведующим кафедрой русской истории в декабре 1890 г. Можно предположить, что отход А.С. Лаппо-Данилевского от ряда университетских курсов в значительной степени обусловлен научными разногласиями с С.Ф. Платоновым и произошел под его давлением. Уже в 1891 г. А.С. Лаппо-Данилевский перешел от чтения обширного курса «Общественный строй Московского государства до эпохи преобразований» (параллельного общему курсу русской истории, который С.Ф. Платонов взялся читать сам) к чтению курсов по XVIII веку. И хотя еще несколько лет А.С. Лаппо-Данилевский читал общий курс русской истории в Историко-филологическом институте (в котором, кстати, он занял место, освободившееся после ухода С.Ф. Платонова в 1890 г.³⁹), для него утрата такого всеохватывающего курса русской истории в университете, по-видимому, стала значительной научно-педагогической потерей. Дело в том, что этот курс занимал центральное место в его планах. В октябре 1890 г. А.С. Лаппо-Данилевский писал М.С. Гревс, жене И.М. Гревса: «Я читаю общий курс по собственному своему плану, в значительной степени отступающему от общепринятого наши-

³⁸ А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс, февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 4, л. 32 об—33.

³⁹ В августе 1890 г. С.Ф. Платонов официально по просьбе Е.Е. Замысловского уведомил А.С. Лаппо-Данилевского о том, Е.Е. Замысловский и он, С.Ф. Платонов, рекомендовали А.С. Лаппо-Данилевского на освобождающееся место в Историко-филологический институт. С.Ф. Платонов — А.С. Лаппо-Данилевскому, 28 августа 1890 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 286, л. 1—1 об.

ми русскими историками и отечественными знаменитостями... Я думаю, у меня в распоряжении несколько лет эти лекции переработать в общую историю России для всякого образованного человека. Я думаю, что русские люди нуждаются в такого рода книге, которая воспитывала бы их политическое самосознание»⁴⁰. Отметим, что А.С. Лаппо-Данилевскому так и не удалось осуществить эти планы.

Сосредоточение интересов А.С. Лаппо-Данилевского на XVIII веке в условиях петербургского университета не только «разводило» предметы научных интересов его и С.Ф. Платонова, но и обусловило новаторские позиции курса А.С. Лаппо-Данилевского в системе университетского преподавания. Увлеченно готовя новый курс летом 1891 г., А.С. Лаппо-Данилевский замечал: «Я думаю, что курс может выйти интересным. Судьба русской истории в наших университетах довольно странная: на нашем факультете читается только древний период, официальный профессор не доходит до XVIII века. ...Между тем, в XVIII в. завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время»⁴¹. Но в 1892—93 гг. С.Ф. Платонов все же включил в свой общий курс историю XVIII в. и А.С. Лаппо-Данилевскому пришлось в очередной раз составлять для себя новый курс — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII— XIX вв.»⁴². Однако и он читался А.С. Лаппо-Данилевским параллельно с лекциями С.Ф. Платонова по историографии⁴³. Но подход заведующего кафедрой отличался от подхода к историографии А.С. Лаппо-Данилевского значительно более критическим отношением к историко-юридической школе. В результате отказавшись от курсов по истории XVIII в. и историографии, А.С. Лаппо-Данилевский с 1894 г.

⁴⁰ А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс, октябрь 1890 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 4, л. 19 об—20.

⁴¹ А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Бекарюковой (Лаппо-Данилевской), июнь 1891 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 15—15 об.

⁴² Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890—1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 42.

⁴³ Платонов С.Ф. 1) Программа лекций по русской истории 1892/93 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1513, л. 47—49 об.; материал 7 первых лекций курса в значительной степени посвящен рассмотрению историографии;

начал чтение «приват-доцентских» курсов по теории исторического знания, которые к началу 1900-х гг. становятся центральными в его преподавательской деятельности в университете. Что касается общего курса в Историко-филологическом институте, то А.С. Лаппо-Данилевский придавал ему большое значение и явно противопоставлял курсу, читаемому С.Ф. Платоновым. В мае 1893 г., сравнивая уровень экзаменов, принимаемых по окончании общих курсов у студентов Института и Университета, А.С. Лаппо-Данилевский замечал: «18-го был у меня экзамен на I курсе. Из 25 держало всего 15, остальные 10 отказались. Но и этих 15 я экзаменовал не так как П[латонов] в университете, каждому посвятил минут 20 и спрашивал по всему курсу»⁴⁴. Теоретические курсы А.С. Лаппо-Данилевского заняли обособленное место в системе университетского преподавания. При отсутствии на факультете других специалистов, кроме Н.И. Кареева, способных читать общетеоретические курсы, кандидатура А.С. Лаппо-Данилевского, по всей видимости, была приемлема и для С.Ф. Платонова. Возможно, сыграла свою роль и поддержка его К.Н. Бестужевым-Рюминым. В мае 1893 г. А.С. Лаппо-Данилевский упоминал о ней в письме жене: «Бестужев, у которого я был недавно, говорит, что мое «призвание» состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно»⁴⁵. А.С. Лаппо-Данилевский, таким образом, обрел свое место на факультете и на кафедре русской истории, но ощущение одиночества не оставляло его. Он признавался, что испытывает недостаток в общении с коллегами. «К университетскому миру я мало имею отношение в самом университете, да и вне его. Удивительная разобщенность замечается не только между старыми и молодыми, но и между последними»⁴⁶, —

2) Соловьёв и Кавелин. Происхождение и падение их исторических теорий. Публичная лекция. Конспект и программы // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1515.

⁴⁴ А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 22.

⁴⁵ А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 23 об.

⁴⁶ А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс, ноябрь 1890 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 4, л. 22—22 об.

писал А.С. Лаппо-Данилевский. Возможно, именно чувство неудовлетворенности университетской жизнью и научной разобщенностью с коллегами побуждало его активно участвовать в более свободных, нежели университетское преподавание, формах научного общения. Оно выражалось в участии А.С. Лаппо-Данилевского в исторических обществах при университете.

Одновременно с работой секретарем в Историческом обществе при университете А.С. Лаппо-Данилевский вел активную работу по воссозданию более открытого научного общества (по типу закрытого Научно-литературного общества), отвечающего задачам научного познания и преподавания в широком смысле, а именно общефакультетского студенческого научного общества⁴⁷. Возникновение общества, именованного «Беседами по проблемам факультетского преподавания», произошло еще весной 1894 г. Продолжались «Беседы» на протяжении 10 лет до 1904 г. Проводились они обычно один-два раза в месяц. По сохранившимся архивным материалам⁴⁸ мы можем воссоздать ход этих занятий. Председательствовал и руководил собраниями и прениями А.С. Лаппо-Данилевский. Вместе с тем он старался придать организации бесед элемент самоуправления. Поэтому ежегодно, с ноября 1894 г., проходили выборы Комитета по устройству «Бесед», определявшие кандидатов от курсов и отделений. Комитет (или «помощники» — как они официально назывались) принимал активное участие в выработке тем будущих заседаний, обсуждении предполагаемых рефератов, составлении заключения о прочитанных докладах⁴⁹. Протоколы «Бесед», видимо, не велись⁵⁰, и до нас дошли в основном лишь темы прочитанных докладов⁵¹. Направленность тем была весьма разнообразной, соответствующей широкой ориентации историко-филологического факультета — по психологии, истории, славяноведению, философии, педаго-

⁴⁷ Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 88.

⁴⁸ Проект правил для организации научных бесед студентов историко-филологического факультета СПб. Университета // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 5—5 об.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 39.

⁵⁰ «Протоколы излишни», отметил в одной из записок, посвященных организации бесед, А.С. Лаппо-Данилевский (ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 7).

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 75.

гике. С докладами выступали люди, очень далекие друг от друга в профессиональном плане, например преподаватели В.Г. Васильевский и Н.М. Коркунов, студенты М.Д. Присёлков и М.А. Полиевктов⁵²; с необычным для него философским докладом выступил в ноябре 1895 г. А.Е. Пресняков⁵³. «Беседы» неоднократно посещали многие преподавателей, и прежде всего А.И. Введенский, И.М. Гревс, Н.М. Коркунов, В.Г. Васильевский, Г.В. Форстен, А.И. Соболевский, С.Л. Пташицкий, С.Ф. Ольденбург, В.И. Гессен и другие. На этом фоне показательно отсутствие в числе участников «Бесед» заведующего кафедрой, а затем и ставшего деканом факультета (с 1900 г.) С.Ф. Платонова.

Сама по себе организация «Бесед» не создавала альтернативного административного центра на факультете, но представляла собой самостоятельную научную структуру. Возможно, ее существование было наряду с другими одной из причин натянутых отношений между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым. Поскольку выборы⁵⁴ специально проводились по курсам и отделениям, так или иначе с жизнью «Бесед» были связаны все студенты историко-филологического факультета. Судя по нескольким сохранившимся официальным письмам С.Ф. Платонова в качестве декана факультета к А.С. Лаппо-Данилевскому как руководителю «Бесед», их отношения стали носить даже отчужденный характер⁵⁵. Показателен эпизод с безуспешной попыткой А.С. Лаппо-Данилевского организовать в 1902 г. секцию этики при «Беседах», которая была воспринята С.Ф. Платоновым отрицательно, хотя их руководитель придавал ей большое значение с точки зрения общественного и

⁵² Там же. Л. 54, 72, 118 и др.

⁵³ А.Е. Пресняков сделал доклад о книге Lacombe «L'histoire considerée comme science» 22 ноября 1895 г. (ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 23, 35 об). Доклад также вышел в виде статьи в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП), — см.: Пресняков А.Е. Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. Январь.

⁵⁴ С 1896 г. окончательно определился их порядок (Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 41): младшие курсы (I и II) избирали своего представителя ежегодно, представители отделений избирались на два года по одному человеку от каждого отделения, на тот же срок выдвигали двух своих представителей «оставшиеся при университете».

⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 81, 82.

культурного смысла возглавляемых им «Бесед»⁵⁶. Усилиями А.С. Лаппо-Данилевского «Беседы» плавно перетекали в 1904 г. в Студенческое научно-литературное общество. В 1902—1903 гг. А.С. Лаппо-Данилевский деятельно наводил справки об аналогичных обществах в других университетах; прежде всего, он обратился к опыту только что созданного (1902 г.) Студенческого общества при Московском университете⁵⁷. Опираясь⁵⁸ на устав московского Общества⁵⁹, а также на «Примерный устав научных и литературных кружков»⁶⁰, А.С. Лаппо-Данилевский вместе со студентами создал несколько проектов устава Студенческого научно-литературного общества⁶¹ при историко-филологическом факультете. О том что на последнем этапе А.С. Лаппо-Данилевский пытался привлечь к обсуждению С.Ф. Платонова, свидетельствует его письмо от 6 октября 1903 г.: «Многоуважаемый Сергей Фёдорович! Напрасно разыскивал Вас сегодня по Университету в 12 часов, пока мне не сообщили, что Вы уже уехали. Поэтому пишу Вам, т. к. не уверен, застану ли Вас, да и времени мало. Для составления маленького проекта устава студенческих бесед студенты собрались у меня во вторник. Зная, что среда и четверг у Вас заняты, мы предположили собраться в пятницу у Форстена; надеюсь, что этот день окажется удобным [для Вас]. Вы сообщали мне о том, что по постановлению факультета на этом собрании могут принимать участие только Вы, я, оставленные при У[ниверситете] и студенты. Не откажите сообщить мне еще раз, так ли я понял Вас? А. Лаппо-Данилевский»⁶². В ответ С.Ф. Платонов сообщал, что он разрешает А.С. Лаппо-Данилевскому приглашать на это собрание любых лиц под его ответственность⁶³.

Устав Общества был утвержден на Совете университета в январе 1904 г. Выдвигая на первый план цели научной работы,

⁵⁶ Там же. Л. 82.

⁵⁷ Там же. Л. 95—98.

⁵⁸ Там же. Л. 99.

⁵⁹ Там же. Л. 97—98 об.

⁶⁰ Принят Советом СПб. университета 20.10.1903. (ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 99).

⁶¹ Там же. Л. 101—102, 105—107, 109—112.

⁶² ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 41.

⁶³ ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 75, л. 81.

устав предусматривал относительную автономию Общества от факультета, закреплял твердые начала самоуправления. Интересно, что изменения⁶⁴, внесенные в окончательный текст устава по сравнению с последним проектом, имели ограничительный характер: при приглашении посторонних лиц на заседания Общества возникла вставка «с разрешения ректора»; преподаватели имели право только присутствовать на заседании Общества, но не могли быть его действительными членами. Это последнее исправление устава было связано с обстановкой, сложившейся на факультете в то время, и с теми глубокими разногласиями, которые разделяли различные партии или кружки университетской профессуры. Так, будучи деканом, С.Ф. Платонов не мог бы не войти в Общество вместе с другими преподавателями, а это означало бы пусть формальное, но подчинение общему руководству А.С. Лаппо-Данилевского, что было для С.Ф. Платонова, по-видимому, неприемлемо. Ему было куда предпочтительнее сохранить если не прямо подчиненное, то отстраненное положение Общества⁶⁵ по отношению к администрации факультета. Отношение к студенческому обществу вполне соответствовало деловой записке С.Ф. Платонова А.С. Лаппо-Данилевскому, датированной 1 марта 1904 г.: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Я согласен собрать учредителей **Вашего** (выделено мной, — *Е.Р.*) Общества в воскресенье 7 марта в 8 часов вечера. В четверг я скажу об этом ректору Университета и, условясь с ним, где устроить собрание, немедля Вас уведомя. Если для оповещения учредителей о времени и месте собрания надобно привлечь канцелярию университета, прошу Вас известить меня об этом до четверга. Готовый к услугам Платонов». 13 марта 1904 г. после учреждения Общества С.Ф. Платонов проинформировал А.С. Лаппо-Данилевского об утверждении А.С. Лаппо-Данилевского председателем Студенческого научно-литературного общества на заседании Совета факультета, на котором сам академик в силу его приват-доцентского статуса не мог присутствовать⁶⁶.

⁶⁴ Там же. Л. 115-115 об.

⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 286, л. 2.

⁶⁶ Там же. Оп. 2, д. 75, л. 120.

Ощутимая конкуренция между обоими учеными за влияние в студенческой среде не ограничивалась нежеланием С.Ф. Платонова участвовать в «обществе А.С. Лаппо-Данилевского» и в какой-то степени переносилась на их общих учеников.

Среди своих учеников, «вышедших из его семинариев 1890-х», С.Ф. Платонов называл С.В. Рождественского, А.Е. Преснякова, И.И. Лаппо, М.А. Полиевктова и Н.П. Павлова-Сильванского⁶⁷. Но все они вышли и из «Бесед» А.С. Лаппо-Данилевского. Из учеников С.Ф. Платонова наибольшее влияние А.С. Лаппо-Данилевского, по-видимому, испытал А.Е. Пресняков.

Большое влияние на формирование А.Е. Преснякова оказали В.Г. Васильевский, Г.В. Форстен и А.С. Лаппо-Данилевский, в то время как С.Ф. Платонов был, как показал М.Б. Свердлов, «не идейным руководителем, а помощником на жизненном пути»⁶⁸. С.Ф. Платонов оказывал поддержку А.Е. Преснякову со времени защиты его кандидатского сочинения, помог остаться в университете. А.Е. Пресняков стал заместителем С.Ф. Платонова по Женскому педагогическому институту⁶⁹. С.Ф. Платонов был оппонентом на докторском диспуте А.Е. Преснякова в 1919 г., в ходе которого выступил с безусловной и очень важной для диссертанта поддержкой ряда принципиально новых для русской науки положений.

Среди первых студентов А.С. Лаппо-Данилевского необходимо особо указать на А.Е. Преснякова и Л.К. Куманина. Судя по воспоминаниям А.Е. Преснякова, первые курсы А.С. Лаппо-Данилевского 1890—91 и 1891—92 гг. прошли лишь при этих двух постоянных слушателях и лишь иногда случайных третьем или четвертом⁷⁰. Переписка А.С. Лаппо-Данилевского свидетельствует о большем количестве слушателей, но с 1890 г. мы находим в письмах постоянные упоминания о «самых верных» «К» и «П». Можно с уверенностью утверждать, что это были

⁶⁷ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка... С. 269.

⁶⁸ Свердлов М.Б. А.Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество // А.Е. Пресняков. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 514.

⁶⁹ Служебная переписка С.Ф. Платонова с вел. кн. Константином Константиновичем, январь 1908 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1809, л. 5.

⁷⁰ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 23.

А.Е. Пресняков и Л.К. Куманин. В письме А.С. Лаппо-Данилевского, помеченного маем 1893 г., находим описание одного из разговоров с учениками: «Вечером пришли мои верные слушатели “П” и “К”. Разговоры наши с ними были самые разнообразные и интересные. “П” вероятно немного вскружили голову его успехи, что впрочем понятно. Он поэтому держит себя довольно самоуверенно, а с товарищем покровительственно и вообще задорно. Все это не особенно привлекательно, но пройдет с годами. Человек он несомненно умный и образованный, языки знает, читал кое-что, живописью увлекается... “П” объявил, что будет заниматься XVIII веком и что он намерен другой раз со мной об этом поговорить и посоветоваться»⁷¹. Как известно, А.Е. Пресняков стал углубленно заниматься более ранними периодами, но курсы А.С. Лаппо-Данилевского по истории XVIII в. и методологии он продолжал слушать до 1895 г. Когда к концу 1890-х гг. вокруг А.С. Лаппо-Данилевского стал группироваться кружок, в той или иной степени противостоящий кружку русских историков, А.Е. Пресняков оказался в числе его участников, и по его воспоминаниям мы можем судить о деятельности и составе этого кружка. В письме к матери от 9 октября 1897 г. А.Е. Пресняков отмечал: «Из любопытных новинок моих стоит упомянуть о начавшихся собраниях у А.С. Лаппо-Данилевского. Он затеял составить небольшой кружок из историков для занятий теорией и методологией социальных наук. Участвуют И.М. Гревс, экономист А.А. Кауфман, ориенталист С.Ф. Ольденбург, И.И. Лапшин, М.А. Полиевктов, еще два—три человека. Поучительно»⁷². Параллельно А.Е. Пресняков посещал и собрания кружка Г.В. Форстена, которые с некоторого времени перестали его удовлетворять⁷³. Интересно отношение С.Ф. Платонова к обоим кружкам. Со слов того же А.Е. Преснякова, он отзывался о Н.И. Карееве, И.М. Гревсе, А.С. Лаппо-Данилевском как «о

⁷¹ А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 19 об—20.

⁷² Цит. по: *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачёва. СПб., 1995. С. 19.

⁷³ Уже в мае 1895 г. А.Е. Пресняков по поводу этого кружка замечал: «Вокруг Форстена только труженики, а кто подаровитее, уйдет к Лаппо [А.С. Лаппо-Данилевскому], потому что он шире», — цит. по: *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 87.

дворянах по воспитанию, с обширным научным багажом», «демократах по убеждению и по теории», «нетерпимых к чужому мнению догматиках», а «форстенят» считал людьми другого круга с меньшим образованием, с неопределенными взглядами, тяготеющих к кружку «русских историков», но не принятых им⁷⁴. С другой стороны, вглядываясь в состав кружков, нельзя не отметить, что младшие их участники, студенты и вчерашние выпускники факультета, часто входили в несколько таких групп, или переходя из одного кружка в другой, или участвуя в нескольких одновременно. Барьер, воздвигнутый старшими, не касался младшего поколения, хотя рано или поздно большинство идентифицировало себя с определенной группой и с конкретным именем.

А.С. Лаппо-Данилевский продолжал привлекать А.Е. Преснякова к различным научным предприятиям на протяжении всей своей научной деятельности. С образованием в 1903 г. секции русской истории в Историческом обществе при Петербургском университете на долгие годы установилось ее руководство — председатель А.С. Лаппо-Данилевский, секретарь А.Е. Пресняков, проводивший заседания в отсутствие председателя. Сотрудничество А.С. Лаппо-Данилевского с А.Е. Пресняковым продолжилось и в Русском социологическом обществе, и в Организационном комитете IV Международного исторического конгресса в Петербурге.

Пример научной судьбы А.Е. Преснякова показателен для той роли, которую играли А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов в системе взаимоотношений петербургской исторической науки конца XIX—начала XX в.

В 1880-х—начале 1890-х гг. С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский были центрами притяжения, прежде всего неформального научного общения. Однако постепенно росли их научно-административные обязанности и полномочия, С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский начинали выступать как администраторы и координаторы деятельности петербургской исторической науки.

Напряженный характер служебных отношений А.С. Лаппо-

⁷⁴ Там же. С. 83.

Данилевского и С.Ф. Платонова проявился в их совместной деятельности в Археографической комиссии, в состав которой они были избраны одновременно 20 сентября 1894 г.⁷⁵. С.В. Чирков указал на совместную деятельность в Археографической комиссии С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского как «учеников В.Г. Васильевского»[?]⁷⁶. С этим мнением С.В. Чиркова можно согласиться в том отношении, что в 1890-х гг. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов были самыми активными членами Комиссии. Они оба занимались изданием писцовых и переписных книг — А.С. Лаппо-Данилевский по Нижнему Новгороду, С.Ф. Платонов по Новгороду Великому. При этом оба археографа сами разрабатывали правила издания этих источников⁷⁷. Правила А.С. Лаппо-Данилевского отличались от указаний С.Ф. Платонова не столько с точки зрения археографической техники, которая во многом совпадала, сколько с точки зрения самого подхода к изданию. Подход С.Ф. Платонова был эмпирическим, связанным с задачей максимально полного отображения источника издателем, подход А.С. Лаппо-Данилевского изначально был теоретическим, поэтому предложения А.С. Лаппо-Данилевского более систематизированы⁷⁸, по замечанию С.Н. Валка, «теоретически продуманы, разносторонни»⁷⁹ и были увязаны с задачами исторического построения. По-видимому, этот «теоретический взгляд» несколько смущал С.Ф. Платонова, который подходил к задачам археографии с более формальных по сравнению с А.С. Лаппо-Данилевским позиций. Если А.С. Лаппо-Данилевский все же вносил некий элемент «научной субъективности» в археографию, предлагая печатать исторически

⁷⁵ Летопись занятий археографической комиссии (далее: ЛЗАК) за 1888—1894 гг. СПб., 1904. Вып. XI. С. 184.

⁷⁶ Чирков С.В. А.С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. М., 1996. С. 264.

⁷⁷ ЛЗАК 1) за 1888—1894 гг. СПб., 1904. Вып. XI. С. 128, 169—170, 177; 2) за 1895—1899 гг. СПб., 1901. Вып. X. С. 26—27, 66—67.

⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. [Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг] Писцовая и переписная книги XVI века по Нижнему Новгороду // Русская историческая библиотека (далее: РИБ). СПб., 1894. Т. XV. С. VII—XIII.

⁷⁹ Копанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Вып. IX. С. 84.

значимые источники, хотя и понимал эту «значимость» широко, с позиций своей методологии, то С.Ф. Платонов предлагал отказаться от всякой «выборочной системы»⁸⁰. О серьезности археографических расхождений между учеными свидетельствует тот факт, что С.Ф. Платонов был единственным крупным ученым, занимающимся русской историей, не приглашенным А.С. Лаппо-Данилевским в 1902 г. к обсуждению составленного им по поручению Академии «Плана издания архивных документов...»⁸¹. Противоположная ситуация сложилась в Археографической комиссии, в которой с 1900 г. лидирующее положение занял С.Ф. Платонов. Он не только возглавил созданный Редакционный совет Комиссии, который, по существу, подготавливал все ее решения, но и руководил многими заседаниями Комиссии во время отсутствия ее председателя графа С.Д. Шереметева. В 1900—10-х гг. в число членов и сотрудников Комиссии был введен ряд деятелей бывшего Кружка русских историков и учеников С.Ф. Платонова⁸², в то время как ни один из учеников А.С. Лаппо-Данилевского, создавшего свою археографическую школу, не был привлечен до смерти их учителя к деятельности комиссии даже в качестве сотрудника. В начале своей академической деятельности А.С. Лаппо-Данилевский попытался привлечь Археографическую комиссию к реализации своих издательских замыслов. В 1902 г. он официально обратился от имени Академии к Комиссии с просьбой издать ряд материалов, собранных А.А. Куником, в виде приложения к сборнику, уже изданному Комиссией, но Комиссия отказала ему в этой просьбе. С этого момента А.С. Лаппо-Данилевский прекращает попытки использовать Комиссию в интересах Академии. Не участвовал А.С. Лаппо-Данилевский и в одном из основных издательских предприятий

⁸⁰См.: ЛЗАК за 1901 г. СПб., 1902 г. Вып. XIV. С. 3—4; ср.: *Брачёв В.С.* Русский историк... С. 44.

⁸¹План А.С. Лаппо-Данилевского не получил отдельного цельного издания, но легко восстанавливается по «Протоколам заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии Наук» и «Приложениям» к ним за 1900—01 годы.

⁸²ЛЗАК за 1918 г.; см. также: Состав Археографической комиссии на 1 января 1919 г. [с указанием времени привлечения к ее деятельности участвующих в ней лиц]. СПб., 1919. Вып. XXXI. С. 24—25.

Археографической комиссии издании Полного собрания русских летописей, руководимом А.А. Шахматовым и С.Ф. Платоновым. Не присутствовал А.С. Лаппо-Данилевский и на заседаниях Редакционного совета, связанных с подготовкой правил издания летописных текстов, главным разработчиком которых стал А.А. Шахматов.

В 1904 г. члены Археографической комиссии четко разделили между собой предметы археографических занятий. С.Ф. Платонову было поручено издание приказных книг и столбцов, а А.С. Лаппо-Данилевскому — материалов по истории частного хозяйства, сборников актов и писцовых книг. С этого момента занятия ученых в Археографической комиссии не пересекались. С начала 1900-х гг. А.С. Лаппо-Данилевский резко ограничил свое участие в работе Археографической комиссии, фактически не принимая участия в ее основных предприятиях.

Таким образом, в 1890-х-начале 1900-х гг. постепенно усиливалось отдаление А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова друг от друга, нарастала напряженность в их отношениях. Еще в 1892 г. С.Ф. Платонов рекомендовал к печати в Журнале министерства народного просвещения одну из рецензионных статей А.С. Лаппо-Данилевского⁸³. Но с 1894 г. начинается работа «Бесед», а также совместная работа А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова в Археографической комиссии, что способствовало расширению сферы столкновения их интересов. К началу 1900-х гг. вокруг каждого из них проходит формирование научных школ. Быстрая карьера обоих ученых в 1890-х—начале 1900-х гг. придала административно-организационные основания научному противостоянию и личному соперничеству.

В 1893 г. С.Ф. Платонов был утвержден секретарем историко-филологического факультета, в 1895 г. к занимаемым им постам добавилась должность помощника директора Санкт-Петербургских женских курсов. Наконец, в 1900 г. С.Ф. Платонов был избран деканом историко-филологического факультета, а в 1903 г. назначен директором Женского педагогического института. Таким образом, С.Ф. Платонов в первой половине

⁸³В.Г. Васильевский — С.Ф. Платонову, 18 февраля 1892 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 2459, л. 3.

1900-х гг. прочно занял крупные административные позиции в петербургской науке. Их значение определялось прежде всего полномочиями С.Ф. Платонова в области привлечения научных кадров к деятельности возглавляемых им учреждений, распределения факультетских и институтских должностей и курсов. В 1900—1903 гг. С.Ф. Платонов добивался назначения на должности профессоров университета И.А. Бодуэна де Куртенэ, И.М. Гревса, Э.Д. Гримма, М.Н. Ростовцева, С.А. Жебелёва, Б.М. Мелиоранского, И.А. Шляпкина, Б.А. Тураева⁸⁴. При этом большинство кандидатур, выдвигаемых С.Ф. Платоновым на профессорские должности, не имели необходимой по закону докторской степени и назначались лишь благодаря исключительной настойчивости декана. По всей вероятности, именно С.Ф. Платонову удалось добиться восстановления на факультете опальных И.А. Бодуэна де Куртенэ и И.М. Гревса⁸⁵. Таким образом, «консервативный историк» С.Ф. Платонов, обеспечивший себе большое влияние в университете и Министерстве народного просвещения благодаря связям с Императорским Домом⁸⁶, объективно встал на защиту научных сил факультета от тех гонений, которые обрушились на него после студенческих волнений 1899 г. В период руководства факультетом С.Ф. Платоновым сформировался, возможно, один из лучших профессорско-преподавательских составов в его истории. Возможно, изменение обстановки на факультете способствовало и перемене настроения А.С. Лаппо-Данилевского, который в конце 1899 г. хотел уйти с факультета по этическим соображениям⁸⁷. С другой стороны, показательно, что А.С. Лаппо-Данилевский так и не был представлен С.Ф. Платоновым к профессорскому

⁸⁴ Платонов С.Ф. Письма С.Ф. Платонова ректору университета А.Х. Гольмстену по вопросам формирования преподавательского состава за 1900—1905 гг., черновики // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1750.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1750, л. 11. Особые усилия С.Ф. Платонов приложил к успешному решению дела И.М. Гревса, о чем свидетельствует их переписка 1900—1902 гг. (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 2714, л. 13—22 об, 24, 28).

⁸⁶ С 1895 г. С.Ф. Платонов преподавал политическую историю вел. кн. Михаилу Александровичу и вел. кн. Ольге Александровне.

⁸⁷ О возможности своего ухода А.С. Лаппо-Данилевский писал жене в связи с увольнением из университета И.М. Гревса (А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской, август 1899 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 65 об.

званию по формальным основаниям (отсутствие докторской степени).

Будучи директором Женского педагогического института, С.Ф. Платонов привлекал к преподаванию в институте своих университетских коллег и учеников. В их числе были Э.Д. Grimm, Г.В. Форстен, Я.Л. Барсков, Н.К. Кульман, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, Н.Д. Чечулин, А.А. Шахматов, П.Г. Васенко, И.И. Лаппо и другие. А.Е. Пресняков, Н.К. Кульман и С.В. Рождественский в разное время были непосредственными заместителями С.Ф. Платонова. С.Ф. Платонов многократно обращался за материальной помощью для своих коллег, которую он получал по ведомству императрицы Марии⁸⁸.

Карьера А.С. Лаппо-Данилевского развивалась не менее стремительно. В.Г. Васильевский называл А.С. Лаппо-Данилевского «прирожденным академиком» и способствовал его продвижению в состав Академии⁸⁹. В декабре 1899 г. А.С. Лаппо-Данилевский был избран действительным членом Академии наук в звании адъюнкта, в апреле 1902 г. стал экстраординарным, а в мае 1905 г. — ординарным академиком⁹⁰. А.С. Лаппо-Данилевский стал организатором целого ряда предприятий Академии, к которым привлек ведущие исследовательские силы русской науки. Первое место среди направлений ученой деятельности академика заняла публикация источников по национальной истории. А.С. Лаппо-Данилевский приглашал и координировал работу большого числа специалистов по русской истории, среди них были А.А. Шахматов, В.Н. Сторожев, А.М. Дьяконов, В.Н. Бенешевич, Е.Ф. Шмурло, Э.Д. Вольтер, И.Н. Миклашевский, О.И. Остроградский, Н.Д. Чечулин, А.И. Успенский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, М.В. Ключков, А.А. Шилов, Н.И. Сидоров, С.В. Рождественский, А.В. Карташев, А.А. Жижиленко, А.В. Бородин, С.М. Гореинов, А.В. Флоровский, Д.И. Шаховской, Ф.В. Тарановский, Б.Д. Греков,

⁸⁸Служебная переписка С.Ф. Платонова с вел. кн. Константином Константиновичем за 1904—1915 гг. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1806—1817.

⁸⁹Гревс И.М. 1) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 69; 2) Материалы к биографии В.Г. Васильевского // ПФА РАН. Ф. 776, оп. 1, д. 22, л. 256, 257.

⁹⁰Материалы к биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С. 5.

А.И. Андреев, С.Н. Валк, В.Н. Кун, М.Ф. Злотников, П.Б. Струве, И.И. Лаппо, Г.В. Вернадский, Я.Л. Барсков, П.И. Люблинский. Работа велась по двум основным программам издания источников, разработанным А.С. Лаппо-Данилевским, — «Памятники русского законодательства» и «Материалы по истории русского законодательства». Особое место занимало редактируемое А.С. Лаппо-Данилевским будущее издание «Грамот Коллегии экономии». По рекомендации и под наблюдением А.С. Лаппо-Данилевского в академических изданиях был опубликован ряд работ петербургских ученых, в частности Н.И. Кареева и О.А. Добиаш-Рождественской⁹¹.

К участию в различных международных проектах Академии А.С. Лаппо-Данилевский привлекал В.В. Бартольда, А.А. Васильева, И.М. Гресса, Э.Д. Гримма, М.А. Дьяконова, С.А. Жебелёва, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Н.Я. Марра, П.П. Митрофанова, С.Ф. Ольденбурга, М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева, Б.В. Фармаковского, А.Е. Преснякова, Л.П. Карсавина и ряд других⁹².

Среди приглашенных А.С. Лаппо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом обществе при Петербургском университете были А.А. Шахматов, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков, М.А. Дьяконов, А.А. Кауфман, В.А. Мякотин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Полиевктов, М.Д. Присёлков, А.Е. Пресняков, С.Л. Пташицкий, С.В. Рождественский, Е.В. Тарле, Е.Ф. Шмурло⁹³.

А.С. Лаппо-Данилевский стоял у истоков организации социологической науки в России. Под его руководством в 1916 г. возникло Русское социологическое общество, к работе которого им были привлечены П.А. Сорокин, П.Б. Струве, С.И. Гессен, Б.Б. Веселовский, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле, И.В. Лучицкий, П.Н. Милюков, П.Г. Виноградов, А.Е. Пресняков, М.А. Дьяконов⁹⁴.

Таким образом, очевиден значительный масштаб научно-организаторской деятельности обоих ученых. Парадоксальность

⁹¹Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Российской Императорской Академии Наук за 1900—1917 (далее: ИФО). СПб., 1900—1917.

⁹²Материалы по организации IV Международного Съезда историков // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 94.

⁹³Историческое обозрение... за 1915 г. С. 206—212.

⁹⁴ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 87, л. 16.

ситуации заключалась в том, что, координируя деятельность основных сил петербургской исторической науки, А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов действовали обособленно.

Видимо, 1900-е гг. — время максимального нарастания напряженности в их отношениях. В пользу этого предположения свидетельствуют данные о контактах С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского в этот период. В феврале 1903 г. А.С. Лаппо-Данилевский сделал «попытку» привлечь С.Ф. Платонова к работе русской секции в Историческом обществе при университете. По этому поводу сохранились записка А.С.Лаппо-Данилевского С.Ф. Платонов и его ответ. А.С. Лаппо-Данилевский: «Многоуважаемый Сергей Фёдорович, Я решаюсь обратиться к Вам с большою просьбой, заранее извиняясь, что совершенное отсутствие времени лишает меня возможности лично передать Вам ее. Дело вот в чем. При Историческом Обществе (при Университете) желательно было бы образовать особую (специальную) секцию по русской истории, в занятиях которой Ваше участие было бы ценно[?] для Общества. Не будите ли Вы добры приехать ко мне в Воскресенье в 8 часов вечера для обсуждения этого вопроса. Ваше присутствие было бы весьма желательно. Готовый к услугам, А. Лаппо-Данилевский». Общий тон письма к декану, и в частности замечание об отсутствии времени для устного приглашения, выглядели вызывающе. На письме А.С. Лаппо-Данилевского пометка С.Ф. Платонова: «Нахальство или неопытность?» и черновик ответа: «Душевно сожалею, что не могу в воскресенье быть у Вас. Недостаток времени мешает дать Вам и заочное обещание, что я буду принимать участие в трудах, возникающей при Вашем обществе секции русской истории. Готовый к услугам, С.Ф. Платонов»⁹⁵. Такой характер переписки явно указывает на острое соперничество между учеными и на то, что их отношения находились в этот момент на грани открытой неприязни.

В годы революции 1905—07 гг. более резко обозначались противоречия в политических взглядах двух историков, что, по

⁹⁵А.С. Лаппо-Данилевский — С.Ф. Платонову, 14 февраля 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 39—39 об; черновик ответа С.Ф. Платонова А.С. Лаппо-Данилевскому, 15 февраля 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1120, л. 40.

всей вероятности, также не способствовало улучшению взаимных отношений.

В.С. Брачёв обоснованно указал на существование в научной среде того времени мнения о противодействии А.С. Лаппо-Данилевского выдвижению С.Ф. Платонова в действительные члены Академии⁹⁶, что было причиной явной антипатии С.Ф. Платонова по отношению к Академии. Характерно, что когда в 1909 г. А.С. Лаппо-Данилевский вместе с академиками М.А. Дьяконовым и В.В. Латышевым инициировал избрание С.Ф. Платонова в члены-корреспонденты Академии⁹⁷, С.Ф. Платонов в отличие от других избранных в своем письме Академии выразил признательность не за избрание, а за факт уведомления об избрании⁹⁸. По-видимому, научный авторитет и административное положение позволяли С.Ф. Платонову претендовать на избрание в действительные члены Академии.

В 1910-е гг. отношения между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым продолжают оставаться сложными, хотя и менее резкими внешне. В 1910-х гг. А.С. Лаппо-Данилевский предпринял несколько попыток привлечь С.Ф. Платонова к участию в академических проектах. В ноябре 1913 г. он дважды приглашал С.Ф. Платонова принять участие в совещаниях, связанных с проведением организационного съезда историков, посвященного подготовке Международного исторического конгресса в Петербурге в 1918 г. С.Ф. Платонов отказывался и замечал в письме А.С. Лаппо-Данилевскому: «Не сомневаюсь, что Академия найдет достаточно энергичных людей для устройства съезда и потому не считаю своего отказа сколько-нибудь существенным для успеха дела»⁹⁹. В 1915 г. по просьбе группы английских историков А.С. Лаппо-Данилевский начал подготовку издания истории России на английском языке¹⁰⁰.

⁹⁶Брачёв В. С. Русский историк Сергей Фёдорович Платонов... С. 53.

⁹⁷Канцелярия Академии наук. Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии Наук в 1909 г. // ПФА РАН. Ф. 2, оп. 1—1909, д. 14, л. 17—17 об.

⁹⁸ПФА РАН. Ф.2, оп. 1—1909, д. 14, л. 36.

⁹⁹ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 94, л. 173—173 об.

¹⁰⁰Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания истории России на английском языке // АЕ за 1994 г. М., 1996. С. 270—273; см. также: ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, д. 127.

В списке предполагаемых авторов впервые для изданий, редактируемых А.С. Лаппо-Данилевским, появилась фамилия С.Ф. Платонова. По предположению А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонов мог бы участвовать вместе с М.А. Дьяконовым и С.В. Рождественским в написании раздела истории, посвященного «московскому периоду». Однако фамилия С.Ф. Платонова оставалась в списке, составленном А.С. Лаппо-Данилевским, под вопросом. Планы издания были сорваны политическими событиями. По всей видимости, С.Ф. Платонова по крайней мере заинтересовало предложение А.С. Лаппо-Данилевского, поскольку после революции и смерти А.С. Лаппо-Данилевского он вступил в переговоры с оксфордским профессором Ф. Гольдером¹⁰¹, представлявшим заказчиков издания А.С. Лаппо-Данилевского, и написал и выпустил свою краткую одномомную «Историю России» на английском языке¹⁰² (основой послужил русский учебник С.Ф. Платонова по истории России).

К области совместной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова относится их участие в работе Русского исторического общества. С.Ф. Платонов стал членом этого самого престижного в России исторического общества в феврале 1902 г., после того как стал преподавать историю членом императорской фамилии. С 1908 г. С.Ф. Платонов был членом Совета общества. Однако в 1910 г. председателем Общества стал великий князь Николай Михайлович, с которым у С.Ф. Платонова не сложились отношения¹⁰³, что, видимо, послужило действительным мотивом его демонстративного выхода из Совета общества в 1915 г.¹⁰⁴. С другой стороны, у Николая Михайловича, по-видимому, сложились хорошие

¹⁰¹Черновик письма С.Ф. Платонова Ф. Гольдеру, декабрь 1923 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1749.

¹⁰²*Platonoff S.F. History of Russia. Text-book of Russian history for Middle schools. New York, 1925.*

¹⁰³Об этом свидетельствует, в частности, характер высказываний С.Ф. Платонова о Николае Михайловиче в 1915 году в письме вел. кн. Константину Константиновичу, — см.: ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1817, л. 6 об.

¹⁰⁴См. черновики писем С.Ф. Платонова помощнику председателя РИО А.Н. Куломзину в 1913—15 гг., где он мотивирует свою отставку несогласием с действиями Председателя Общества (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1828, л. 1 об—2, 5).

отношения с А.С. Лаппо-Данилевским, который был избран в состав Общества в 1914 г., а в Совет общества — в 1917 г. Таким образом, и в этом обществе С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский оказались в оппозиции друг к другу.

С.Ф. Платонов — единственный из крупных петербургских историков — не принял участие в организации Русского исторического журнала в 1916—17 гг., возможно, именно потому, что к этому был причастен А.С. Лаппо-Данилевский¹⁰⁵. События октября 1917 г. были восприняты как катастрофа обоими учеными. Видимо, в революционные годы перед лицом происходящих культурных потрясений происходит вынужденное сближение А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова. В 1918 г. С.Ф. Платонов, наконец, рекомендовал А.С. Лаппо-Данилевского на должность экстраординарного профессора¹⁰⁶, А.С. Лаппо-Данилевский, по-видимому, поддержал кандидатуру С.Ф. Платонова на выборах председателя Археографической комиссии¹⁰⁷. С другой стороны, как показала Т.И. Хорхордина, противоречия между группировками «платоновцев» и «лаппо-данилевцев» отразились в работе различных общественных и государственных учреждений по руководству архивным делом, возникших в «смутные» 1917—19 годы¹⁰⁸. Кроме личного момента причину противоречий Т.И. Хорхордина видела, во-первых, в государственнической позиции С.Ф. Платонова, противопоставляя ее антибольшевистской принципиальности А.С. Лаппо-Данилевского, во-вторых, в восприятии А.С. Лаппо-Данилевским и его учениками архивоведения как науки, что было нехарактерно для школы С.Ф. Платонова¹⁰⁹.

На наш взгляд, сложные личные отношения и административное противостояние ученых и их школ в значительной степени было обусловлено различием в понимании задач и

¹⁰⁵Русский Исторический Журнал. Объявление об основании журнала, май 1916 г. Среди основателей журнала: А.Л. Бём, В.Н. Бенешевич, С.Б. Веселовский, Э.Д. Гримм, М.А. Дьяконов, Л.П. Карсавин, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.К. Никольский, М.А. Полиевктов, М.Д. Присёлков, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, В.И. Срезневский, А.А. Шахматов (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 970, л. 1).

¹⁰⁶Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете... С. 52—53.

¹⁰⁷ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1919. Вып. XXXI.

¹⁰⁸Хорхордина Т.И. История отечества... С. 18—20, 22, 53—54.

¹⁰⁹Там же. С. 22, 115.

методов исторической науки. Разница в методологических подходах к историческому знанию, проявившаяся на магистерском диспуте А.С. Лаппо-Данилевского, привела к возникновению двух направлений внутри петербургской исторической школы.

С.Ф. Платонов вспоминал, что в отношении методов и техники исторического исследования он целиком следовал В.Г. Васильевскому, а в понимании смысла и содержания русского исторического процесса испытывал влияние лекций и монографий В.О. Ключевского¹¹⁰. По собственному признанию А.С. Лаппо-Данилевского, значительное влияние на него оказали Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский¹¹¹. Тем не менее в его исторических построениях чувствуется как прямое влияние европейской мысли (О. Конта, И. Канта, Г. Риккерта), так и большая самостоятельная работа. Как показал А.Е. Пресняков, А.С. Лаппо-Данилевский пришел к построению оригинальной схемы исторического процесса. Однако суть расхождений заключалась не столько в разных концепциях национальной истории, сколько в отношении к роли методологии в работе историка.

Археографические штудии, источниковедческие курсы, учебные семинары, конкретно-исторические работы С.Ф. Платонова никак идеологически не связаны. Его лекции по источниковедению в целом повторяли то, что до него говорили К.Н. Бестужев-Рюмин и В.Г. Васильевский, и являлись, скорее, эмпирическими обобщениями, описанием опыта нескольких поколений историков, нежели научным построением. Вопросы общей теории исторического знания вообще были С.Ф. Платонову чужды.

В противоположность ему А.С. Лаппо-Данилевский с первых шагов на исследовательском поприще относился к истории и ее методологии как к строгому научному знанию. В Научно-литературном обществе А.С. Лаппо-Данилевский не раз выступал с докладами по теории исторического знания¹¹².

¹¹⁰ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка... С. 262.

¹¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 405.

¹¹² Гревс И.М. 1) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 59; 2) За культуру... С. 82.

Важна была и особая устремленность А.С. Лаппо-Данилевского к «перевороту» в науке. «Претензии у меня большие, — писал А.С. Лаппо-Данилевский в 1891 г., — хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым в высоком значении этого слова, ученым, который дает новое освещение не только некоторым подробностям науки, но и основным принципам науки»¹¹³. На наш взгляд, у С.Ф. Платонова, не менее преданного науке, не было таких «претензий», стремления посягнуть на ее основные принципы.

Вслед за В. Г. Васильевским С.Ф. Платонов уделял большое внимание задачам источниковедения. Попытаемся реконструировать ход его источниковедческой мысли. В утилитарных целях С.Ф. Платонов намеренно упрощал понятие «исторического источника», под которым призывал понимать лишь «письменный остаток старины». Источники подразделялись С.Ф. Платоновым на летописные и юридические. Юридические источники, в свою очередь, составляли группы: 1) государственные акты, 2) распоряжения правительства, 3) челобитные. Критика источника подразделялась С.Ф. Платоновым на внешнюю и внутреннюю. Внешняя критика была связана с рассмотрением внешней формы источника и отвечала на вопрос о «подделке», понятие которой естественным образом противопоставлялось понятию «подлинности». Внутренняя критика включала в себя «критику текста» и «критику факта». Причем критика текста (или палеографическая критика) относилась С.Ф. Платоновым в то же время и к разряду критики внешней. Критика факта была связана с установлением истинности показания источника. Эта задача решалась путем выявления «угла зрения», с которого данный источник был создан¹¹⁴.

Из понимания С.Ф. Платоновым задач «внешней критики»

¹¹³ А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс, март 1891 г. // ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 4, л. 37.

¹¹⁴ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905 // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1489, л. 2 об—7 об; об этой работе С.Ф. Платонова см.: Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 99; автор высказал предположение о влиянии на эту работу системы источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского. В качестве аргументации А.Н. Цамутали, в частности, привел слова С.Ф. Платонова, обращенные в начале 1890-х гг. к студенческой аудитории: «Слушайте приват-доцента А.С. Лаппо-Данилевского» (см.: Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 28).

источника и «критики текста» вытекало и требование детального археографического описания источника.

Система источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского являлась разделом его специальной методологии истории и целиком была основана на теоретических посылах, данных в общей методологии. Понятие источника следовало из двоякого понимания природы источника как факта и показания о факте и основывалось на определении исторического факта «как воздействия сознания данной индивидуальности на среду»¹¹⁵. Факты, обладавшие свойствами «исторической ценности» и «действенности» по отношению к системе «исторического целого», А.С. Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический источник «есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹¹⁶. Исходя из этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, которые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения) и критику (установление научно-исторической ценности) источника. Последняя включала в себя критику источника как факта и критику показаний о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе исторического целого, руководствуясь принципами общей методологии и используя методы, изложенные во второй части специальной методологии — «методологии исторического построения»¹¹⁷.

«Правила воспроизведения и издания исторического материала», т. е. «археографию в узком смысле», А.С. Лаппо-Данилевский относил не к методологии, а к технике исторического исследования. Но они полностью были подчинены задачам, решаемым в методологии источниковедения. Ярким

¹¹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. СПб., 1910. С. 322.

¹¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. СПб., 1913. С. 375.

¹¹⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел П. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908—1909 акад. году. Литография Богданова.

примером воздействия системы методологии А.С. Лаппо-Данилевского на археографию стало появление «Правил издания грамот Коллегии экономии»¹¹⁸, вызвавших широкий резонанс в науке.

С.Ф. Платонову и А.С. Лаппо-Данилевскому удалось создать научные школы, отражавшие и распространявшие влияние в науке позиций обоих ученых. По А.Е. Преснякову, школа С.Ф. Платонова «восстановления прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции» противостояла «теоретической школе» А.С. Лаппо-Данилевского¹¹⁹. По мнению С.Н. Валка, «художественный» подход к задачам и методам исторического познания школы С.Ф. Платонова отрицался А.С. Лаппо-Данилевским и его учениками, ставившими цель выработать строгий научный метод¹²⁰. С этой оценкой согласился С.В. Чирков, который добавил, что «у С.Ф. Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С. Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы»¹²¹.

Организаторские способности и административные возможности С.Ф. Платонова способствовали становлению некой научной корпорации «школы С.Ф. Платонова» в 1890—1900-х гг. В нее входили не только ученики С.Ф. Платонова, но и ученики его учеников, в том числе те, кого Б.А. Романов образно окрестил «дружиной»¹²².

В 1900-х гг. начала складываться и школа А.С. Лаппо-Данилевского. К ней следует отнести В.Н. Борсука, А.А. Шилова, А.И. Андреева, С.Н. Валка, В.Н. Куна, М.Ф. Злотникова, В.И. Веретенникова, ряд других ученых.

Показательно, что в то время как многие ученики С.Ф. Платонова активно участвовали в семинариях и научных предприятиях А.С. Лаппо-Данилевского, ученики А.С. Лаппо-Данилев-

¹¹⁸Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

¹¹⁹Пресняков А.Е. 1) Речь перед защитой диссертации под названием «Образование великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.; 2) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 25.

¹²⁰Валк С.Н. [Выступление на объединенном заседании...] С. 115.

¹²¹Чирков С.В. Археография и школы... С. 23.

¹²²Б.А. Романов, Б.В. Александров — С.Ф. Платонову, 25 августа 1918 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 2069, л. 3 об.

ского до его смерти к участию в ученых занятиях С.Ф. Платонова не привлекались. Причина этого видится нам не только в научных разногласиях, но и в том, что А.С. Лаппо-Данилевский с известной долей «ревности» относился к своим ученикам¹²³, а С.Ф. Платонов строго выделял «людей А.С. Лаппо-Данилевского» из возглавляемой им корпорации. Показательна переписка ученых, посвященная магистерскому диспуту ученика А.С. Лаппо-Данилевского В.И. Веретенникова в 1910 г. С.Ф. Платонов дважды пересылал письмо В.И. Веретенникова с просьбой об организации диспута А.С. Лаппо-Данилевскому, отказываясь делать какое-либо заключение о работе «ученика А.С. Лаппо-Данилевского». При этом С.Ф. Платонов был готов выступить вторым оппонентом, полностью положившись на мнение А.С. Лаппо-Данилевского¹²⁴. А.С. Лаппо-Данилевский же в осторожных выражениях пытался выяснить мнение С.Ф. Платонова по существу диссертации до диспута¹²⁵. Таким образом, несмотря на напряженность отношений между учеными, в профессиональном общении этический момент оставался значимым. Изменение историографической ситуации и кончина А.С. Лаппо-Данилевского разрушили барьер между С.Ф. Платоновым и школой А.С. Лаппо-Данилевского.

Смерть А.С. Лаппо-Данилевского в январе 1919 г. и почти одновременная с ней кончина М.А. Дьяконова и А.А. Шахматова объективно выдвинули на первый план фигуру С.Ф. Платонова, который оставался одним из немногих представителей «старой школы» среди административных деятелей советской науки 1920-х гг.

С.Ф. Платонов принял на себя абсолютное большинство

¹²³Показательно выражение недоумения А.С. Лаппо-Данилевским А.А. Шахматову в 1917 г. по поводу привлечения его ученика, на обучение которого А.С. Лаппо-Данилевский «потратил много времени и сил», П.Л. Маштакова, к посторонним для А.С. Лаппо-Данилевского проектам, несмотря на желание самого П.Л. Маштакова в них участвовать (ПФА РАН Ф. 3, д. 821, л. 37–38).

¹²⁴С.Ф. Платонов — А.С. Лаппо-Данилевскому, 1910 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1831, л. 2; ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 286, л. 3–4; см. также письма В.И. Веретенникова С.Ф. Платонову по поводу диспута, где В.И. Веретенников, отвечая С.Ф. Платонову, специально излагает положительное заключение А.С. Лаппо-Данилевского относительно своего сочинения (ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 2488, л. 4–9).

¹²⁵ПФА РАН. Ф. 113, оп. 3, д. 15, л. 1–2.

научно-административных обязанностей, которые нес А.С. Лаппо-Данилевский. В мае 1919 г. С.Ф. Платонов занял освободившийся после смерти А.С. Лаппо-Данилевского пост председателя Союза российских архивных деятелей (РАД).

В Академии наук, куда С.Ф. Платонов был избран в августе 1920 г., из должностей, занимаемых ранее А.С. Лаппо-Данилевским, к С.Ф. Платонову перешли председательство в Постоянной исторической комиссии, заведование Нумизматическим кабинетом, общее руководство Русским историческим журналом, редактирование многочисленных изданий по русской истории. В частности, С.Ф. Платонов принял на себя руководство изданием грамот Коллегии экономии, которое для А.С. Лаппо-Данилевского было делом жизни¹²⁶.

С.Ф. Платонов возглавил «комиссию по ознакомлению с бумагами А.С. Лаппо-Данилевского», которая продолжила работу образованной ранее «комиссии по изданию трудов А.С. Лаппо-Данилевского». С комиссией сотрудничали многочисленные ученики А.С. Лаппо-Данилевского¹²⁷. В 1923 г. С.Ф. Платонов доложил на заседании отделения, что главный труд А.С. Лаппо-Данилевского — «История политических идей в России в XVIII веке» — подготовлен к печати, в связи с чем Отделение приняло решение о начале печатания труда¹²⁸, которое, однако, стало возможным многие годы спустя, в 1990 г.¹²⁹.

С.Ф. Платонов продолжил многие академические начинания А.С. Лаппо-Данилевского, и поэтому естественным выглядит привлечение им к этим занятиям ряда учеников последнего. Среди сотрудников С.Ф. Платонова — ученики А.С. Лаппо-Данилевского А.И. Андреев, М.Ф. Злотников, В.Н. Борсук, С.Н. Валк, В.И. Веретенников и другие¹³⁰. «Правой рукой» С.Ф. Платонова в Археографической комиссии стал А.И. Андреев, который в 20-е гг. был одним из лидеров «кружка памяти

¹²⁶Протоколы ИФО за 1920 г.

¹²⁷Протоколы ИФО за 1919 г. § 41, 147.

¹²⁸Протоколы ИФО за 1923 г. § 9, 15.

¹²⁹*Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVIII—XVIII вв. М., 1990.*

¹³⁰См. материалы, свидетельствующие о работе учеников А.С. Лаппо-Данилевского под руководством С.Ф. Платонова: ПФА РАН. Ф. 2, оп. 1—1901, д. 20, л. 65, 67, 70; ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 207.

А.С. Лаппо-Данилевского»¹³¹. С.Ф. Платонов характеризовал своего помощника как «исключительного талантливый работника» и первого знатока археографии¹³².

В феврале 1929 г. в Академии наук состоялось совместное заседание Комиссии по истории знаний и Археографической комиссии, посвященное памяти А.С. Лаппо-Данилевского, на котором присутствовали почти все ведущие ленинградские историки. С.Ф. Платонов сделал доклад «А.С. Лаппо-Данилевский как историк». Текст этого доклада нами не обнаружен, но сам факт представляется «знаковым» для послереволюционной науки. Собрание, посвященное одному из лидеров старой «петербургской школы», собрало и его учеников, и соратников, и бывших научных оппонентов незадолго до начавшегося «разгрома школы»¹³³.

В «академическом деле»¹³⁴ воедино сплелись обе школы — как С.Ф. Платонова, так и А.С. Лаппо-Данилевского. Именно во время «академического дела» С.Н. Валк по понятным причинам противопоставлял школу С.Ф. Платонова школе А.С. Лаппо-Данилевского. По его словам, научный метод А.С. Лаппо-Данилевского сильно отличался от «художественного подхода» С.Ф. Платонова и не получил «четкой классовой установки», а потому ученики А.С. Лаппо-Данилевского могут с полным правом войти в марксистскую историографию¹³⁵.

Несмотря на принципиальное различие в подходах к вопросам методологии источниковедения, А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова объединяло представление об историческом источнике как отправной точке всякого исследования, основе каждого вывода и базе любого синтеза. Отсюда — особое внимание обоих ученых к задачам археографии, характерное для петербургской школы.

Внешнее сходство «нижних этажей» исследовательской работы А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова в условиях

¹³¹Хорхордина Т.И. История отечества... С. 115.

¹³²С.Ф. Платонов — Е.П. Воронову, черновик письма, апрель 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 585, оп. 1, д. 1738, л. 1.

¹³³Протоколы заседаний Комиссии по истории знаний за 1929 г. // ПФА РАН. Ф. 154, оп. 1, д. 19, л. 6.

¹³⁴См.: Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1.

¹³⁵Валк С.Н. [Выступление на объединенном заседании...] С. 114—115.

послереволюционной историографической ситуации обусловило сближение «школы А.С. Лаппо-Данилевского» с С.Ф. Платоновым и его школой. Разъединяющие факторы, связанные с чрезмерной, на взгляд «платоновцев», теоретизированностью подходов к историческому знанию учеников А.С. Лаппо-Данилевского, отошли на второй план, поскольку система методологии истории, альтернативная марксистской, в условиях советской науки не могла быть востребована. Что касается вопросов техники исторического исследования, в частности детально разработанной археографической системы, которую отстаивали ученики А.С. Лаппо-Данилевского, то она не только не могла вызвать какие-либо принципиальные возражения, но, напротив, получила всеобщее признание как достижение «старой школы». Перед тотальным наступлением «лженауки» М.Н. Покровского (как она воспринималась большинством «старой школы» и ее последователями) происходило стихийное объединение соперничавших группировок петербургской школы. Археографическая традиция А.С. Лаппо-Данилевского наряду с его системой дипломатики и системой изучения летописей А.А. Шахматова органично вошла в общее «профессиональное наследие» русской науки. Именно С.Ф. Платонов и его ученики вместе с учениками А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского стали его главными хранителями в тяжелые для исторической науки 1920—40-е гг.